

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Л. А. ПОКРОВСКАЯ

ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ГАГАУЗОВ

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Обл. № 2329

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Л. А. ПОКРОВСКАЯ

ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ГАГАУЗОВ

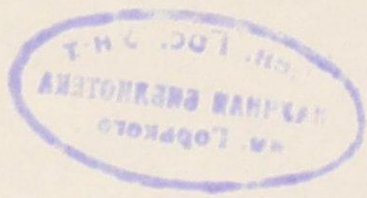
АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

3056

0000000000

Народное поэтическое творчество гагаузов — небольшой народности, населяющей южные районы Молдавской ССР, — до сего времени не было предметом специального изучения. Настоящая работа представляет собой опыт монографического исследования песенного творчества гагаузов. Выбор темы объясняется тем, что народные песни являются одним из наиболее действенных и жизнеспособных фольклорных жанров, продолжающих развиваться в советское время.

Основная задача работы — это всестороннее исследование гагаузских песен в их связи с историей и бытом народа.

Методологической основой работы послужили важнейшие положения классиков марксизма-ленинизма по вопросам культуры. Особенно большое значение для изучения народного поэтического творчества имеет гениальный труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

Материалами для исследования явились, в основном, фольклорные записи, сделанные автором во время трех командировок в Молдавскую ССР (1948, 1950 и 1951 гг.). Значительная часть песен записана с помощью магнитофона и фонографа. Записи песен производились от рядовых колхозников и колхозниц различных возрастов, школьников, представителей местной интеллигенции, а также от коллективов сельской художественной самодеятельности.

Тексты и переводы песен, а также нотные записи песенных мелодий помещены в работе после исследовательской части.

К работе приложен список использованной литературы.

В первой главе работы даются общие сведения о гагаузах и их изучении.

Основные заслуги в изучении истории, этнографии и языка гагаузов принадлежат русским исследователям. Наиболее значительными работами, посвященными гагаузам, являются труды русского этнографа В. А. Мошкова „Гагаузы Бендерского уезда“ (Журн. „Этнографическое обозрение“, 1900,

1901, 1902 гг.), „Наречия бессарабских гагаузов“ („Образцы народной литературы тюркских племен“, изд. акад. В. В. Радловым, т. X, 1904), а также две работы крупнейшего советского тюрколога чл.-корр. АН СССР проф. Н. К. Дмитриева о гагаузском языке.

Сведения различного характера о гагаузах содержатся в работах иностранных буржуазных исследователей К. Иречека, К. и Х. Шкорпил, Г. Занетова, Л. Милетича, Д. Гаджанова, Т. Ковальского, П. Мутафчиева и др.

Об историческом прошлом гагаузов в литературе имеются очень неполные сведения. Известно лишь, что до конца XVIII в. гагаузы жили в северо-восточной Болгарии, главным образом, в Добрудже, откуда большая часть их в конце XVIII — начале XIX вв. переселилась в Бессарабию.

В научном мире существует несколько гипотез о происхождении гагаузов, однако, ввиду отсутствия конкретных исторических данных, вопрос о происхождении гагаузов остается пока неразрешенным.

Целый ряд ученых (Г. Занетов, И. С. Иванов, П. Мутафчиев и др.) поддерживает гипотезу, согласно которой гагаузы являются „отуреченными болгарскими“, якобы утратившими свой родной язык в период турецкого владычества на Балканах.

Гипотеза о болгарском происхождении гагаузов должна быть решительно отвергнута ввиду ее полной исторической беспочвенности. Хорошо известно, что болгарский народ, несмотря на жестокий пятивековой гнет турецких феодалов, сохранил свой национальный язык и свою национальную культуру. Трудно представить себе, чтобы какая-то группа болгар, находившаяся во время турецкого владычества в таких же условиях, как и весь болгарский народ, могла утратить свой родной язык, заменив его турецким.

И. В. Сталин, говоря о большой устойчивости и колоссальной сопротивляемости языка насильственной ассимиляции, приводит в качестве примера как раз балканские языки, к числу которых относится и болгарский язык: «Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято не мало турецких слов и выражений, были и „схождения“ и „расхождения“, однако балканские языки выстояли и выжили».¹

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд-во „Правда“, 1950, стр. 22.

Данные гагаузского языка и фольклора указывают на то, что гагаузы являются не „отуреченными болгарами“ или „оболгаренными турками“, как пытаются утверждать в националистических целях некоторые буржуазные исследователи, а самостоятельной народностью, повидимому, тюркского происхождения.

В. А. Мошков, собравший значительное количество устных поэтических произведений гагаузского народа, считал, что большинство песен „заимствовано гагаузами от нынешних и бывших их соседей: болгар, молдаван и турок-осман“.¹ Такой взгляд на песенное творчество гагаузов представляется нам ошибочным. Конечно, нельзя отрицать того, что в силу определенных исторических условий гагаузская народная поэзия в известной мере испытала болгарское и отчасти турецкое влияния. Тем не менее, в своей основе устное поэтическое творчество гагаузов является глубоко самобытным.

Вторая глава посвящена определению жанров гагаузских песен.

Сами гагаузы разделяют все свои песни на два типа: 1) „Түркү“ — песни разнообразного содержания, имеющие не менее двух строф и определенную мелодию для каждой песни; 2) „Мәне“ — четверостишия типа частушек, обычно семисложного размера; поются на различные мелодии.

Все гагаузские „мәне“, безусловно, относятся к лирике. Что касается песен типа „түркү“, то они могут принадлежать к различным жанрам.

Один из самых древних поэтических жанров — календарно-обрядовая поэзия представлена у гагаузов очень ограниченным числом песен. Почти все существовавшие у гагаузов обряды, связанные с земледелием, сопровождались песнями на болгарском языке. Следует отметить также, что календарные обряды гагаузов почти ничем не отличались от соответствующих болгарских обрядов. Все это дает основание предполагать, что гагаузы перешли к земледелию значительно позже, чем болгары, и, повидимому, под непосредственным влиянием последних, — своих ближайших соседей в течение очень длительного времени. Естественно, что вместе с земледельческими обрядами гагаузы заимствовали от болгар и многие обрядовые песни.

¹ Этнографическое обозрение, 1900, № 1, стр. 78.

У гагаузов имелись в прошлом и семейно-бытовые обрядовые песни (свадебные и похоронные).

Свадебные обряды сопровождались специальными песнями, исполнявшимися, например, за приготовлением теста (хамур түркүсү), за свадебным столом (софра түркүсү) и т. д. Благодаря огромной силе художественной выразительности и красоте поэтических образов свадебные песни продолжают жить в памяти народа, несмотря на постепенное исчезновение связанных с ними обрядов.

По свидетельству В. А. Мошкова, у гагаузов существовали похоронные заплачки, но записать их никому не удалось.

Широкое развитие получили у гагаузов лиро-эпические плачи, которые можно также назвать песнями о бытовых происшествиях. Такие песни представляют собой как бы поэтическую хронику всех необыкновенных событий и несчастных случаев, происходящих в гагаузских селах. Песни о бытовых происшествиях живут сравнительно недолго и имеют ограниченную сферу распространения (в пределах одного или нескольких сел), так как они обычно посвящены единичным случаям и не содержат в себе никакого обобщения.

В фольклоре гагаузов сохранилось небольшое количество песен религиозного содержания. Источником этих песен чаще всего являлись духовные книги, напечатанные греческим алфавитом на караманлийском („карамалицком“) диалекте турецкого языка (в данном случае имеется в виду турецкий диалект группы христианского населения европейской части Турции). При советской власти исчезла всякая почва для создания и распространения песен религиозного содержания, и в ближайшем будущем они, несомненно, будут забыты.

Среди гагаузских „түркү“ имеется довольно много песен эпического характера. Однако почти все эпические песни или отрывки песен, сохранившиеся у гагаузов, представляют собой варианты болгарских народных баллад, юнацких и хайдутских песен. Таким образом, судя по имеющимся материалам, можно заключить, что у гагаузов в настоящее время нет своего героического эпоса; о существовании его в прошлом также не имеется никаких данных.

Исторические песни гагаузов немногочисленны. Все они сложены уже после переселения гагаузов в Бессара-

бию и повествуют о событиях, относящихся ко второй половине XIX в. или началу XX в.

Солдатские песни очень близки к военно-историческим и отличаются от них, главным образом, тем, что не содержат указаний на определенные исторические события.

Гагаузская песенная лирика отличается большей самобытностью по сравнению с эпическими песнями. Вместе с тем, она имеет много общих черт с лирикой некоторых других тюркских народов (например, азербайджанцев, туркмен, турок). Особенно ясно это сходство проявляется во внешней форме песен, в их поэтическом стиле.

Наибольшее развитие в лирике гагаузов получили любовные песни и песни о женской доле. Они обычно отличаются грустным характером, протяжностью. Однако среди лирических „түркү“ имеются и веселые песни, проникнутые теплым народным юмором. Многие из юмористических и шуточных песен прежде были связаны с пляской, играми. „Мәне“ обычно исполнялись на зимних посиделках и носили характер шуточного спора между парнями и девушками. В настоящее время „мәне“ продолжают широко бытовать среди гагаузского населения.

Качественно новый этап в развитии народной поэзии гагаузов составляет песенное творчество советской эпохи. В советское время получили дальнейшее развитие жанры исторических, военных, лирических песен.

При создании новых песен гагаузы используют только форму „түркү“ и не обращаются к форме „мәне“. Это объясняется, повидимому, тем, что советские гагаузские песни посвящены почти исключительно исторической и героической тематике. Можно предполагать, что в дальнейшем, с расширением советской тематики, жанр „мәне“ также найдет в песенном творчестве гагаузов соответствующее применение.

В третьей главе ставится задача раскрыть идейно-тематическое содержание гагаузских песен, определить основные, ведущие темы песенного творчества гагаузов.

И. В. Сталин учит, что „культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества“.¹

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд-во „Правда“, 1950, стр. 18.

Народная поэзия, являющаяся важным элементом культуры, также развивается в соответствии с этим законом.

У гагаузов существует целый ряд песен, содержанием которых является борьба человека с враждебными ему силами природы, дикими животными и т. п. В большинстве случаев эти песни, относящиеся к далекому прошлому народа, связаны со скотоводческим бытом.

По мере того как люди овладевали природой и начинали использовать ее для облегчения своей трудовой деятельности, тема борьбы с природными стихиями и дикими животными, являвшимися первоначально главными врагами человека, все более отходит на задний план; она уступает место теме борьбы с иноземными захватчиками и поработителями народа.

Гагаузы не могут забыть страданий своего народа, изнывавшего в течение нескольких веков под турецким игом. Они хранят воспоминания об этом тяжелом времени в преданиях, легендах и песнях. Источником гагаузских эпических песен, направленных против турок, является болгарский героический эпос. Однако это обстоятельство ничуть не снижает идейно-художественной ценности указанных песен и их роли в гагаузском песенном творчестве; оно лишь свидетельствует об идейной близости гагаузского народа к героическому болгарскому народу.

Песенный фольклор гагаузов хранит образы отважных героев и героинь, не подчинившихся воле турецких поработителей. Таков, например, Стоян, не согласившийся отдать турецкому паше свою красавицу-жену и быстрого коня, такова смелая девушка Маринка, срубившая голову самому турецкому падишаху; простая девушка Лянка, которую турки хотели сделать своей рабыней, бросилась в Дунай со словами:

áni olaǰám túrklärin slugасы
tā ийи олаим балыкларын софрасы

Чем быть мне слугою турок,
лучше быть мне пищей рыбам!

К историческому периоду жизни гагаузов в Болгарии под турецким владычеством относятся также песни о хайдутах. По своей идейной направленности гагаузские и болгарские хайдутские песни принципиально различны: в то время как в большинстве болгарских песен отчетливо выявляется положительное и сочувственное отношение

к хайдутам, в гагаузских песнях отношение к хайдутам почти всегда отрицательное. Причиной этого является различное значение слова „хайдут“ в болгарском и гагаузском языках. Основное значение слова „хайдут“ (или „хайдук“) в болгарском языке — народный повстанец, партизан. В гагаузском же языке слово „хайдут“ означает — разбойник, грабитель и употребляется, преимущественно, в отрицательном смысле. В гагаузских песнях под хайдутами подразумеваются, главным образом, турецкие разбойники — кирджалии, грабившие мирное население Болгарии в конце XVIII — начале XIX вв. Естественно, что отношение к таким хайдутам в гагаузских песнях не могло быть положительным.

Наряду с песнями, направленными против турецких угнетателей, гагаузский народ создавал также песни, в которых он резко обличал своих внутренних врагов — сельских богачей, грабивших и закабалявших трудовое крестьянство. Так, одна из широко распространенных у гагаузов песен направлена против богатой лавочницы, которая обирала и обманывала бедняков.

Целый ряд гагаузских песен повествует о конкретных исторических лицах или фактах, давая им определенную оценку. Такие песни, как правило, содержат в себе социальный протест и отличаются глубоким реализмом, верностью жизненной правде. Так, например, у гагаузов сохранилась песня о Буткове, управлявшем так называемыми Бессарабскими колониями с 1832 по 1844 гг. В песне рассказывается о том, как простой народ, возмущенный притеснениями Буткова, поднял против него восстание и добился того, что Бутков был предан суду. Очень интересна песня о поездке гагаузов в Америку; в ней идет речь о попытке царского правительства переселить часть бессарабских колонистов в США в начале XX в. Из содержания песни явствует, что гагаузы не захотели оставаться в чуждой для них Америке и вернулись обратно в Бессарабию.

Военно-историческая тематика получила в гагаузских песнях довольно слабое отражение. Гагаузам известны некоторые песни о русско-турецких войнах XIX в. По своему происхождению такие песни являются, несомненно, турецкими, но у гагаузов они подверглись значительным переделкам и получили совершенно иную идейную направленность, чем у турок. Большой интерес, например, представляет гагаузский вариант песни об осаде Плевны в русско-турецкой

войне 1877—78 гг. Турки в этой песне восхваляют своего генерала Османа-пашу; гагаузы, напротив, посылают проклятия ненавистному турецкому генералу и высмеивают его хвастливость и трусость.

У гагаузов сохранились также песни о войнах, в которых они принимали непосредственное участие. Широкое распространение получила, например, песня о гибели солдата-гагауза в бою под Варшавой во время первой империалистической войны.

Основной темой песен о бытовых происшествиях являлись случаи насильственной и вообще преждевременной смерти. Так, в целом ряде песен получила отражение вражда между крестьянами соседних сел, вызванная недостатком земли. Крестьяне каждого села строго следили за тем, чтобы жители соседних сел не пасли скот на их земле, и, если заставали на ней чужих, то жестоко расправлялись с ними.

Многие песни о бытовых происшествиях сложены в форме завещания; в них повествование ведется обычно от лица умершего, которому посвящена песня.

Обширный раздел гагаузской народной лирики составляют песни о доле; сюда относятся солдатские, сиротские, женские песни.

Солдатские песни в незатейливых, скупых словах повествуют о тяжелой доле солдат царской армии. Солдат с горечью говорит о своей судьбе:

беним да йевлерим дерин да акоплар
дерин да акоплар дорт куше мезар
мой дома — глубокие окопы,
глубокие окопы, четырехугольная могила.

В сиротских песнях подчеркивается мысль о том, что „чужие люди“ не могут заменить сироте родителей, что от „чужих“ редко можно ждать помощи или хотя бы участия. В одной из песен сирота обращается к умершей матери:

йүсүзүн мале кахыржй чоктур
кахыржй чоктур йери хич йоктур

У сироты, мама, горюшка много,
горюшка много, (а) места ему нигде нет!

Основой песен о женской доле служило бесправное, угнетенное положение женщины у гагаузов. Брак являлся в гагаузском патриархальном обществе прежде всего хозяй-

ственным актом, экономической сделкой, которую заключали родители жениха и невесты, часто не считаясь с желанием молодых. Многие из женских лирических песен входили прежде в свадебные обряды, преимущественно, как „песни невесты“ (гелин түркүләри). Основной мотив песен невесты — прощание с родным домом, воспоминания о днях юности, проведенных в нем, печаль и страх перед будущей жизнью „в чужих людях“.

Песням о женской доле очень близки по характеру многие любовные песни — протяжные „түркү“. В них обычно выражаются страдания влюбленных, вызванные разлукой, отсутствием взаимности и т. п. Но особенно часто слышится в любовных песнях тревога юноши или девушки за свою будущую судьбу, которая всецело зависела от воли их родителей.

Содержание лирических песен юмористического и шуточного характера обычно связано с женитьбой, сватовством. Предметом насмешек в песнях служат, главным образом, лентяи и бездельники; например, в одной из песен муж высмеивает жену за то, что она не умела ткать.

Большинство гагаузских песен отражает идеологию беднейшего крестьянства, для которого труд являлся целью и смыслом всей жизни. Такое отношение к труду с предельной четкостью и простотой выражено в словах колыбельной песенки, которую мать поет своему сыну:

Уйу уйу чожум
да буйуйасын буук оласын
да тарлайа гидейасын
татунә йардым едасын¹

Спи, спи, мой сынок!
Вырастешь, станешь большим,
на пашню пойдешь,
будешь отцу помогать.

Итак, основное место в досоветском песенном творчестве гагаузов занимают следующие темы: борьба с окружающей природой (эпические песни), жизнь под турецким игом и борьба с турецкими поработителями (эпические, военно-исторические, бытовые песни), социальные отношения и социальная борьба (эпические, исторические песни, песни

¹ Этногр. обзор., 1900, № 1, стр. 28.

о бытовых происшествиях), тяжелая доля угнетенного, бесправного народа (солдатские, сиротские, женские и другие лирические песни), личные и семейные отношения (любвные песни, песни о женской доле, четверостишия).

В целом старые гагаузские песни отражают историю страданий и горестей маленького гагаузского народа и его многовековые мечты о свободе и справедливости.

„... Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие“.¹ Эти слова И. В. Сталина в полной мере можно отнести и к гагаузам, для которых приход советской власти в 1940 году явился поистине возрождением к жизни. Впервые гагаузы осознали себя полноправными членами общества и активными участниками экономической, политической и культурной жизни своего родного края — Бессарабии.

Тотчас же после освобождения Бессарабии от румынской оккупации гагаузский народ откликнулся на это величайшее событие радостной патриотической песней, которая вскоре зазвучала в каждом селе:

Бессарабия зенгин
хер йерлери долу йекин
Бессарабия богата!
На ее землях повсюду хлеба.

Далее в песне гагаузы вспоминают о своем тяжелом прошлом, от которого их навсегда освободила доблестная Советская Армия.

За годы Великой Отечественной войны получил дальнейшее развитие жанр военно-исторических песен, в которых нашла свое отражение героическая борьба советских войск с фашистской Германией. Торжеством и радостью проникнута песня „Со Сталиным мы победили“ и особенно ее заключительные строки:

Женктä биз душманнары гери кырлаттык
кырлаттык душманнары Берлинä кадар
На войне мы врагов прогнали назад,
прогнали мы врагов до самого Берлина!

---

¹ И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 153.

После окончания Великой Отечественной войны у гагаузов появились новые песни, прославляющие радость свободного мирного труда. Новый колхозный строй раскрепостил гагаузскую женщину, сделал ее равноправным членом трудового коллектива. В песне „Шен кыз“ (Веселая девушка) перед нами возникает образ молодой жизнерадостной девушки-колхозницы, столь непохожий на прежние печальные женские образы народной лирики:

кырда дамет бӕларым
ики норма йапарым
севинирим дуннӕма
хич быкмаим йашамӕ

В поле я снопы вяжу,
по две нормы выполняю.
Я радуюсь белому свету,
никогда не надоест мне жить!

Все успехи социалистического строительства в Бессарабии гагаузы связывают с именем творца справедливых советских законов, друга и защитника бедняков — Иосифа Виссарионовича Сталина. Чувство любви и благодарности гагаузского народа к великому Сталину с наибольшей полнотой и яркостью выражено в песне, созданной учителем-гагаузом Д. Н. Танасогло:

Не гӕзӕль гуннар гельди
уфкарӕ ауллара
ким оннары гетирди
бизӕ гагаузлара

Сталин бизим бобамыс
Сталин бизим гунумӕс
бизим кысметимизӕ
Сталин чок ил сӕн йаша

Какие прекрасные дни наступили
для бедняков (досл. для бедняцких дворов)!
Кто их принес
нам, гагаузам?

Сталин — наш отец!
Сталин — наше солнце!
Живи, Сталин, долгие годы
на наше счастье!

В четвертой главе дается анализ художественной формы гагаузских песен (композиция, поэтический стиль, стихосложение).

Основное назначение художественных средств состоит в том, что они, усиливая эмоциональное воздействие песен, помогают глубже раскрыть их идейное содержание.

Одним из элементов художественной композиции гагаузских песен сюжетного характера является присутствие в них традиционного зачина. Так, песни, посвященные военной и исторической тематике, начинаются обычно тем, что „падишах“, т. е. вообще правитель, присылает какой-либо указ. Традиционным началом песен многих жанров является также обращение. Особенно характерно обращение для эпических песен, содержание которых часто раскрывается из диалога действующих лиц.

Описания в гагаузских песнях обычно осуществляются с помощью композиционного приема постепенного исключения или сужения образов. Благодаря этому приему внимание заостряется на последнем, самом важном по содержанию, образе или предмете.

Наиболее характерным для гагаузских песен композиционно-стилистическим приемом является повторение предыдущего стиха или полустихия, так называемое „подхватывание“ стиха. Следует указать на то, что „подхватывание“ стиха особенно широко распространено в русской и болгарской народной поэзии. Напротив, для песен тюркских народностей этот прием, повидимому, совсем не характерен. Таким образом, повторение предыдущего стиха или полустихия в гагаузских песнях нужно считать одним из проявлений славянского влияния на поэтический стиль гагаузских народных песен. Интересно отметить, что в любовных и женских песнях, где почти не чувствуется славянского влияния, повторения такого типа встречаются значительно реже, чем в песнях других жанров.

Характеристика песенных героев дается с помощью эпитетов, сравнений, постоянных поэтических формул и других художественных средств и приемов.

В гагаузских песнях можно выделить следующие довольно устойчивые сочетания: „сары йылан“ — желтая змея, „кара бегир (ат)“ — черный конь, „кырмызы шарап“, — красное вино, „серенни пынар“ — колодец с „журавлем“, „ихтияр ана“ — старая мать, и некоторые другие. При описании красоты девушки обычно указывается, что у нее „тонкий стан“

(инже бели), „черные глаза“ (кара гӧзү), „румяные щеки“ (ал йанā) и т. д.

В поэтике гагаузских песен существенное место занимают сравнения и уподобления. Особенно богата сравнениями любовная и свадебная лирика. Для старинных любовных песен характерными являются традиционные „восточные“ сравнения, имеющие первоначальные истоки в арабской и персидской поэзии и проникшие в гагаузские песни, повидимому, через турецкую народную лирику. Вместе с тем, любовные песни знают и сравнения, взятые гагаузами непосредственно из окружающего их сельского быта.

Излюбленным художественным средством гагаузских лирических песен является так называемый параллелизм, т. е. проведение аналогии между явлениями природы (или различными предметами) и жизнью человека. На основе параллелизма построено большинство четверостиший. В „түркү“ параллелизм используется несколько реже, но зато проводится более последовательно, чем в „мāне“.

Гагаузским народным песням свойственно и психологическое изображение героев. Различные чувства и душевные состояния раскрываются в песнях обычно с помощью постоянных поэтических формул. Часто встречается, например, формула сожаления, скорби, имеющая определенное синтаксическое построение, и т. п.

Поэтический стиль гагаузских песен отличается некоторыми грамматическими и лексическими особенностями по сравнению с обычной разговорной речью. Так, например, в песнях сохранилась глагольная форма настоящего времени на „-йор“, уже не употребляющаяся в гагаузском разговорном языке, встречаются некоторые устаревшие слова, главным образом, арабского и персидского происхождения и т. п. Таким образом, тексты песен (в особенности, записанные во время исполнения песен) могут дать богатый материал для изучения эволюции гагаузского языка.

Гагаузское народное стихосложение имеет свои особенности, которые наряду с другими поэтическими элементами создают художественную специфику гагаузских песен.

Самым распространенным стихотворным размером в гагаузской народной поэзии является семисложник; им построены четверостишия — „мāне“, а также некоторые „түркү“. Обычно семисложный стих разделен цезурой на две части (3 + 4 или 4 + 3). В настоящее время семисложник оказы-

вается наиболее жизнеспособным стихотворным размером, большинство известных нам гагаузских советских песен построено семисложными стихами.

Наряду с семисложником у гагаузов широко распространен десятисложный стих, разделенный цезурой на два равных полустиха. Наличие у гагаузов десятисложного эпического стиха представляет собой явление, необычное в устной поэзии тюркских народов, где десятисложник встречается очень редко и не может считаться характерным видом стиха. В русской и болгарской народной поэзии десятисложник, напротив, занимает очень видное место.

Одиннадцатисложный и отчасти двенадцатисложный размеры характерны для любовных и женских лирических „түркү“.

Строфическая структура гагаузских песен довольно разнообразна. Часть песен совсем не имеет деления на строфы; в таких песнях каждый стих при пении повторяется два раза, так как мелодии этих песен обычно рассчитаны на два стиха. Довольно часто в песнях чередуются отдельные стихи, повторенные по два раза, двустихия и четверостишия.

В образовании двустихий и четверостихий существенную роль играет прием повторения предыдущего полустихия или стиха. Следует однако отметить, что этот прием используется только в „түркү“; для „мәне“ характерным является построение, основанное на синтаксическом параллелизме.

Гагаузские „мәне“ имеют три способа рифмовки: а а б а, а а а а, а а б б, причем последний из них является едва ли не самым распространенным. В „түркү“ рифма не обязательна; она может носить случайный характер и даже отсутствовать совсем.

Наиболее распространенным видом рифмы в гагаузских песнях является рифма грамматическая. Иногда она может захватывать и основу слова, например, „башына, ташына, йашына“ и т. п. Сюда относится и так называемая рифма с редифом, например, „дал гиби — бал гиби“. Имеются примеры и более развитой рифмы, когда рифмуются слова, стоящие в различных грамматических позициях.

В пятой главе приводятся некоторые наблюдения автора, касающиеся музыкальной стороны гагаузских песен. Все гагаузские песни одноголосны. В последние годы в быт гагаузов стало входить хоровое пение (всегда уни-

сонное). Песни исполняются в быту без музыкального сопровождения.

Гагаузские песенные мелодии имеют устойчивую и всегда определенную ладовую основу. Самым распространенным ладом является натуральный минор, однако встречаются и другие лады, в частности, мажор натуральный и гармонический. Для гагаузских песен характерно такое расположение звуков лада, при котором самым нижним звуком является вводный тон (VII ступень) натурального минора.

Гагаузские песни обычно имеют квадратное строение. Мелодия состоит, чаще всего, из двух музыкальных фраз, заключающих в себе по два мотива. Каждый мотив распространяется на один стих текста (или полустихие, имеющее не менее четырех-пяти слогов).

„Мане“ и шуточные „түркү“ имеют, как правило, двухдольный размер $2/4$ или $4/4$ и четкий ритм, близкий к плясовому. Часто встречаются в песнях различных жанров пятидольные размеры $5/8$ и $5/4$.

Некоторые особенности ладово-интонационного строения гагаузских песен, а также наличие у гагаузов песен, построенных на целотонных отношениях, наводят на мысль о том, что гагаузские песни имеют древнюю пентатонную основу. Однако на протяжении многих веков песенное творчество гагаузов подвергалось настолько сильному влиянию соседних музыкальных культур (в особенности, влиянию болгарской народной музыки), что в настоящее время древние восточные корни гагаузских песенных мелодий ощущаются очень слабо.

Исследование жанровых особенностей, идейно-тематического содержания, художественной формы и мелодий гагаузских народных песен дает возможность сделать некоторые общие выводы относительно песенного творчества гагаузов в целом.

1. Гагаузы, являющиеся, без сомнения, самостоятельной народностью, обладают богатым и, в основном, самобытным песенным творчеством.

2. Вследствие того что гагаузы в течение многих веков имели тесные экономические и культурные связи с болгарским, а последние сто пятьдесят лет — и с русским народом, песенное творчество гагаузов подверглось сильному славянскому влиянию.

3. Влияние болгарской и русской народной поэзии значительно обогатило идейное содержание песенного творчества гагаузов и внесло новые черты в его поэтическую форму. Особенно сильно проявляется славянское влияние в эпических песенных жанрах, которые не получили у гагаузов самостоятельного развития (в частности, героический эпос).

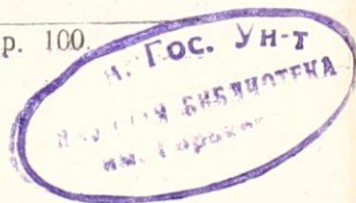
4. Гагаузская народная лирика имеет, в основном, оригинальный и самобытный характер. Во время турецкого владычества на Балканах некоторое влияние на гагаузские (преимущественно, любовные) песни оказала турецкая народная лирика, но после переселения гагаузов в Бессарабию (конец XVIII — начало XIX вв.) турецкое влияние стало быстро исчезать, и в настоящее время от него сохранились лишь незначительные следы.

5. Мелодии гагаузских песен в большой мере отражают художественное своеобразие песенного творчества гагаузов. В ладово-интонационной и ритмической структуре гагаузских песенных мелодий ясно чувствуется влияние народной музыки болгар и молдаван. В то же время мелодии гагаузских песен обладают определенным своеобразием, отличающим их от песен других народов.

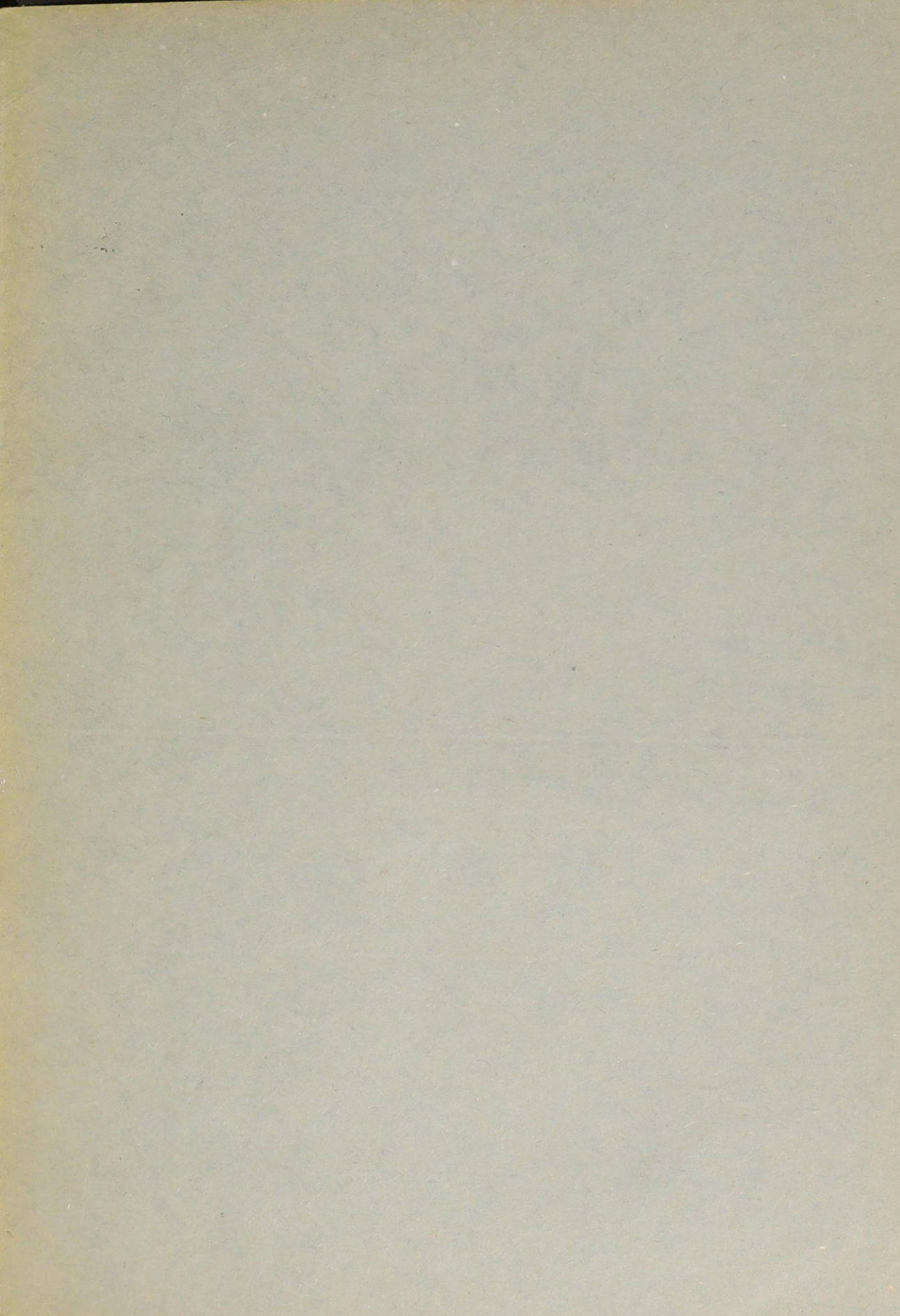
6. В советскую эпоху песенное творчество гагаузов продолжает развиваться, непрерывно обогащаясь новым содержанием и совершенствуясь по форме, хотя в ряде случаев форма еще отстает от содержания. В дальнейшем песенное творчество гагаузов, не прекращая своего развития, должно послужить основой для индивидуального творчества гагаузских композиторов и поэтов.

Необходимым условием успешного развития гагаузской национальной литературы, которая уже дает свои первые ростки, является создание для гагаузов письменности в самое ближайшее время.

В настоящей работе, разумеется, не могли быть учтены, поставлены и разрешены все вопросы, относящиеся к данной теме. Автор считает свою работу лишь началом изучения песенного творчества гагаузов и надеется, что она послужит некоторым стимулом для дальнейшего, более углубленного исследования отдельных проблем, касающихся гагаузской народной поэзии.

[3014]

Obl. E III 2329